

УДК 82.01.09

DOI: 10.47475/1999-5407-2021-10206

**«ПАМЯТИ ПАМЯТИ: РОМАНС» МАРИИ СТЕПНОВОЙ:
КОММЕМОРАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ЧИТАТЕЛЕМ***Н. Л. Зыховская, В. П. Топольская**Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), Челябинск**Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Челябинской области в рамках научного проекта № 20-412-740015*

В статье поднимаются проблемы сопряжения коллективной и индивидуальной (автобиографичной) памяти через обращение к произведению Марии Степановой «Памяти памяти: романс». История собственной семьи автора в соединении с масштабным мемориальным дискурсом постпамяти – видится как значимая коммеморативная стратегия взаимодействия с современными читателями.

Ключевые слова: коммеморация, Мария Степанова, «Памяти памяти: романс», постпамять, стратегии работы с читателем.

Введение

Проблематика культурной памяти приобретает особую актуальность в XXI веке как установка на сознательное движение к будущему в контексте понимания и активной проработки прошлого [1], как потребность вписать личный опыт воспоминаний в пространство «культуры участия» [14]. Расширение тематических рамок и углубление «мемориального дискурса» становятся очевидной и актуальной формой ответа на рефлексию сегодняшнего дня: «откуда мы родом?», каким образом могут быть соединены история страны с историей семейного рода?

Многообразные ракурсы изучения семейной памяти – в динамике представлений о прошлом, взаимодействии различных поколений, отражении исторического фона в «зеркале» автобиографии, в том числе ее трагических страниц [3; 10] – неоднократно становились предметом актуальных философско-культурологических и социологических исследований [2; 5; 6; 11]. Но именно художественный текст, как подчеркивал Ю. М. Лотман [4], обладает способностью максимальной концентрации информации и, соответственно, аналогичным эффектом воздействия на читателя, погружающегося в пространство культурной памяти. Коммеморативные стратегии взаимодействия текста и читателя связываются с реализацией компенсаторной функции памяти [12. С. 74], способствующей эмоциональной проработке прошлого в мире литературных сюжетов.

В 2017 году в «Новом издательстве» вышла первая масштабная прозаическая книга поэта Марии Степановой «Памяти памяти: романс» [9]. Три условные части книги имеют разную направленность и функции. Первая – почти дневниковый рассказ о самой себе, с помощью отсылок к работам и биографиям известных персон. Вторая – сборник эссе, представляющий опыт работы автора с фактами общемировой культуры. Третья – непосредственно история семьи Марии Степановой. Сам способ организации «Памяти памяти» напоминает об устройстве лирического текста, так как сам текст оказывается пронизанным «рифмами», соответствиями, ассоциациями, скрепляющими воедино разные слои произведения: и документальные свидетельства, и комментарии к ним, и повествование об истории создания книги, а также разветвленную систему эссе о персонажах книги.

Книгу Марии Степановой можно назвать попыткой написать историю собственной семьи в соединении с масштабным мемориальным дискурсом постпамяти.

Художественный текст как феноменология памяти

Разбор семейного архива умершей тети автора оборачивается глобальным пересмотром способов жизни прошлого в настоящем. На протяжении всего текста Степанова обращается к опыту прошлого через историю близких, их личную переписку, воспоминания о воспоминаниях, рассказы знакомых, через книги и исторические события. Автор пытается разобраться в возможностях памяти, ее устройстве, способах функционирования и удержания (воскрешения) воспоминаний. Художника окружают те, кто в свое время по-разному выстраивал отношения с памятью: Осип Манделштам, Шарлотта Саломон, Рафаэль Голдчейн и другие.

Феномен памяти в книге Степановой соприкасается со множеством тем, среди которых особое место отводится культурной памяти как травме: гонения евреев, революции, сталинский террор, Холокост, блокада Ленинграда, отречение от памяти (евреи), одержимость памятью (наше время). Интересно, что в документальных письмах и открытках родственников отсутствует речь на идише и даже упоминания о принадлежности к еврейской культуре. Для того, чтобы погрузить читателя в «еврейскую тему» М. Степанова чаще выбирает не собственных родственников, а известных читателю личностей. Например, история Манделштама описана более детально, нежели история ее собственной бабушки.

Проблема памяти и вещей занимает важную позицию в книге: вещи буквально перенимают людские свойства, они такие же травмированные участники событий, как и их «хозяева». Например, в маленьком представителе рода «замороженных Шарлотт» автор узнает себя, осознает себя как часть «постпамяти» и читатели проводят такую же аналогию.

Введение в текст художественного произведения архивных записей, подлинных документов, открыток и писем родственников является одним из самых интересных решений в «Памяти памяти: романс». Эти вставки называются «неглавами». «Неглавы» содержат в себе документы, письма от родственников, описание предметов домашнего обихода в семейных квартирах, которые посетил автор и описание фотографий. В «неглавах» содержатся эпистолярные диалоги, через которые можно проследить личную историю родных Марии Степановой, наблюдать динамику происходящих событий в военный и довоенный период жизни семьи, так как даты написания и их принадлежность выносятся в заглавие, то есть в буквальном смысле выходят на «первый план».

Фундаментальный «романс» М. Степановой вырастает из первоначальной, еще детской задумки и превращается в глобальный труд, где личная история семьи является только одной из частей контекста: «Пока я, месяц за месяцем, переписывала на компьютере письма и документы моих близких, пытаюсь разобрать микроскопические буквы, беглую скоропись остывшего разговора, я уж точно стала понимать их лучше и любить их больше. Я, бережно копирующая запятые и описки своих бабушек, перестаю видеть разницу между их жизнью – и своей» [9. С. 53].

В книге не просто пересказываются истории родных, как в типичных биографиях и автобиографиях, семья в ней превращается в персонажей художественного текста. Несмотря на то, что М. Степанова неоднократно упоминает о том, что ее родственники «ничем не примечательны», в «романсе» родным Степановой редко удаётся сохранить статус частных лиц. Теперь они всё время на виду, а их жизнь воссоздается из множества эпизодов биографии: «В погоне за фактчекингом своей родословной Степанова соединяет Большую историю и частную память. На одном из фото прабабушка стоит рядом с Яковом Свердловым, который подписал постановление о начале красного террора. Повествование

часто сопровождается отсылками к мировой культуре: под одной обложкой Блок играет Гамлета в черных колготках, а Памук пишет новую историю Стамбула. В своей прозе Степанова решает важную для русской литературы задачу – включает русскоязычного героя в зону внимания европейского читателя» [7].

Из-за большого количества гиперссылок и аллюзий на работы известных писателей, эссеистов, художников и пр., кажется, что родственники М. Степановой являются своеобразными иллюстрациями повествования. Например, Сарра Гинзбург – бабушка М. Степановой является наглядным примером для эссе Кракауэра, самобытность автобиографических записей тети М. Степановой обосновывается при помощи личности Сьюзен Зонтаг, а воспоминания о прабабушке не выстраиваются без Марианны Хирш.

Публичные личности становятся своеобразной призмой, через которую автор определяет контекст для Степановых-Фридманов-Гуревичей, так как от этих личностей не осталось ничего кроме вещей и документов, вызывающих к интерпретации.

Актуальные метаморфозы поколения постпамяти

Во многом метод Степановой опирается на методологию профессора английского языка и сравнительной литературы в Колумбийском университете и профессора Института исследований женщин, гендера и сексуальности Марианны Хирш, рассматривающей концепт «постпамяти» в работе «Поколение постпамяти» [13]. После выхода ее книги-эссе термин «постпамять» стали активно использовать в текстах научных работ и книг, связанных с исторической, коллективной и культурной памятью.

М. Хирш в своих трудах часто обращается к теме воспоминаний о Холокосте, исследуя жизнь детей, чьи предки были жертвами катастрофы, а М. Степанова в своей «книге-преемнике» продолжает эту тенденцию и рассказывает о личной памяти семьи, образующей коллективную память современного человека о событиях прошлых лет. Автор разворачивает картину бытового и над-бытового антисемитизма, цитируя Александра Блока и Сергея Маковского, Георгия Иванова и Томаса Манна, Тициана Табидзе и Вячеслава Иванова. Актуализируя информацию и в читательском сознании, завлекая читателя в «хронотопическую петлю».

М. Степанова в интервью для журнала Wonderzine, говорит о необходимости популяризации работы М. Хирш (в частности, о переводе книги на русский язык), потому что она важна для понимания социокультурных процессов современной России: «Хирш пишет об одержимости памятью – и о том, как она влияет на наши попытки жить настоящим временем. Мне в её книге важен не только анализ травмы Шоа – а то, что термин «постпамять», сам этот способ отношения к действительности куда шире своего начального предмета. Я думаю, что постпамять описывает изменения в общественном сознании, которые так или иначе касаются всех: это и о Европе, и об Америке, и особенно о России. Российская история – это коридор непрекращающихся травм, ни одна из которых не была до конца переработана и осмыслена: это эстафета страдания, длившаяся десятилетиями. Сегодняшняя одержимость прошлым (битвы вокруг «Матильды» – хороший пример, но на самом деле таких примеров десятки) хорошо описывается в категориях постпамяти: чужая история, правдивая или выдуманная, заслоняет собственную. Эти похороны прошлого нельзя длить бесконечно. Рано или поздно с ним придется проститься – и сделать это лучше осознанно, с открытыми глазами» [8].

М. Степанова пишет книгу, которая по своему методу выходит из «хиршевской формулы»: «припоминания» и проецирования реальности прошлого в настоящее. Постпамять», лейтмотив которой прослеживается на протяжении всей книги, описывает как изменения мирового общественно-социального сознания, так и, казалось бы, явления и артефакты, вписанные в ракурс повседневности. Например, в главе о селфи «Глава

вторая, селфи и последствия», М. Степанова рассматривает культуру селфи как часть бессознательной одержимости памятью. Потребность в постоянной фиксации себя и своей жизни заключается в том, что человек боится забыть те или иные события. Однако парадокс заключается в том, что фотографий стало настолько много, что никто их не будет пересматривать: ни сами люди, сделавшие снимки, ни их близкие, ни их будущее потомство.

Понятие «постпамяти» выходит за рамки личной истории, оказываясь уже пространством мировой памяти, рифмуя индивидуальную биографию с травмами XX века. Автор как бы создает личную художественную систему, в которой видна синкретичность идей, собранных Степановой: вещьность памяти, память вещи. М. Хирш и М. Степанова всматриваются в «поколение постпамяти», в «территорию воронки, оставшейся от Катастрофы» и сходятся во мнении, что жить прошлым постоянно невозможно и рано или поздно с ним придется попрощаться и целесообразно будет сделать это обдуманно и осознанно.

Опыт прошлого, как показывает автор, становится одним из определяющих проводников настоящего в борьбе против забвения. С. Сдобнов называет произведение «Памяти памяти» – самым личным детективом, где разгадка прошлого оказывается частью иного, политического сюжета и помогает понять, как нам ориентироваться в настоящем. Степанова осмысляет место человека в культуре. В последнем сне Вячеслава Иванова Ахматова видит своего сына, еще младенца, словно приготовленного к смерти, а Тарковский растворяется в одной из своих картин. «Именно это антропологическое оружие против забвения и потерянности создает Степанова, соединяя на страницах своего романа быструю, как лента фейсбука, строку, невероятный русский язык и личные истории родных людей» [7].

В произведении М. Степановой настоящее неотвратимо становится прошлым, а прошлое – настоящим. Хронотоп в «романсе» условен, дискретен, многомерен и субъективен. Время и пространство, благодаря своей фрагментарности и «лоскутности», становятся инструментом, помогающим М. Степановой осуществить «рассказывание о прошлом в настоящем». В целом, коммеморативные стратегии взаимодействия Марии Степановой с читателем, выводят личную историю в пространство коллективной памяти поколений и Большой Истории страны, становятся своеобразными мифологизированными сюжетами коллективного прошлого и актуальности настоящего. Автобиографичность, социокультурная составляющая, социально-психологический аспект, феномены коммеморации, вопросы, связанные с сущностью культурной памяти, содержательные и формальные особенности произведения, подобная многоплановость романа позволяет создать уникальное произведение, отражающее взаимодействия исторической и современной действительности.

Список литературы

1. Ассман, А. Новое недовольство мемориальной культурой / А. Ассман. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – Текст : непосредственный.
2. Зубанова, Л. Б. Цифровая память в пространстве мемориальной культуры: образы прошлого и медиа-технологиях будущего / Л. Б. Зубанова. – Текст : непосредственный // Челябинский гуманитарий. – 2020. – № 3 (52). – С. 15–22.
3. Коротецкая, Л. В. Холокост как социальная и культурная конструкция памяти: фактор травмы и позиция жертвы / Л. В. Коротецкая. – Текст : непосредственный // Социологические исследования. – 2016. – № 3. – С. 107–117.
4. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста / Ю. М. Лотман. – М. : Искусство, 1970. – Текст : непосредственный.

5. Омельченко, Е. Л. Что остается в семейной истории: память о советском сквозь разговор трех поколений / Е. Л. Омельченко, Ю. В. Андреева. – Текст : непосредственный // Социологические исследования. – 2017. – № 11. – С. 147–156.
6. Покида, А. Н. Динамика исторической памяти в российском обществе (по результатам социологического мониторинга) / А. Н. Покида, Н. В. Зыбуновская. – Текст : непосредственный // Социологические исследования. – 2016. – № 3. – С. 98–107.
7. Сдобнов, С. «Памяти памяти» Марии Степановой – главный русскоязычный роман 2017-го / С. Сдобнов. – Текст : электронный // Интернет-издание GQ. – URL: <https://www.gq.ru/entertainment/kak-najti-sebya-v-besede-so-svoimi-mertvymi> (дата обращения: 20.04.2020).
8. Степанова, М. М. Поэт Мария Степанова о любимых книгах / М. М. Степанова. – Текст : электронный // Интернет-журнал «Wonderzine». – 2021. – URL: <https://www.wonderzine.com/wonderzine/life/bookshelf/229624-maria-stepanova> (дата обращения: 20.05.2021).
9. Степанова, М. М. Памяти памяти: Романс / М. М. Степанова. – М. : Новое издательство, 2017. – Текст : непосредственный.
10. Штоп-Рутковская, К. Киберпамять, или о чем мы не помним в сети. Анализ локальной памяти: Белосток и Люблин / К. Штоп-Рутковская. – Текст : непосредственный // Социологические исследования. – 2015. – № 4. – С. 130–139.
11. Хальбвакс, М. Коллективная и историческая память / М. Хальбвакс. – Текст : непосредственный // Неприкосновенный зал. – 2005. – № 3. – С. 8–27.
12. Шуб, М. Л. Функции культурной памяти / М. Л. Шуб. – Текст : непосредственный // Вестник культуры и искусств. – 2016. – № 4. – С. 71–76.
13. Hirsch, M. *The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture after the Holocaust* / M. Hirsch. – New York : Columbia University Press, 2012. – Текст : непосредственный.
14. Jenkins, H. *Convergence Culture: Where Old and New Media Collide* / H. Jenkins. – New York: University Press, 2006. – Текст : непосредственный.

**«IN MEMORY OF A MEMORY: ROMANCE» BY MARIA STEPANOVA:
COMMEMORATIVE STRATEGIES OF INTERACTION WITH THE READER**

N. L. Zykhevskaya, V. P. Topolskaya

*South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk,
ladoga122@gmail.com*

The article raises the problem of conjugation of collective and individual (autobiographical) memory through an appeal of Maria Stepanova work “In Memory of a memory: Romance”. The story of the author’s own family, combined with a large-scale memorial discourse of post-memory, is seen as a significant commemorative strategy for modern readers.

Key words: commemoration, Maria Stepanova, “In memory of a memory: romance”, post-memory, strategies for working with the reader.

References

1. Assman, A. (2016). *Novoe nedovolstvo memorialnoy kulturoy [New dissatisfaction with memorial culture]*. Moscow, New Literary Review (in Russ.).

2. Zubanova, L. B. (2020). Cifrovaja pamjat' v prostranstve memorial'noj kul'tury: obrazy proshlogo i media-tehnologijah budushhego [Digital memory in the space of memorial culture: images of the past and media technologies of the future]. *Cheljabinskij gumanitarij* [Chelyabinsk humanist], 3, pp. 15–22 (in Russ.).
3. Korotetskaya, L. V. (2016). Holokost kak social'naya i kul'turnaya konstrukciya pamyati: faktor travmy i poziciya zhertvy [Holocaust as a social and cultural construction of memory: trauma factor and victim position]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological research], 3, pp. 107–117 (in Russ.).
4. Lotman, Ju. M. (1970). *Struktura hudozhestvennogo teksta* [The structure of artistic text]. Moscow, Iskusstvo (in Russ.).
5. Omelchenko, E. L. and Andreeva, Yu. V. (2017). Chto ostaetsya v semejnoy istorii: pamyat' o sovetskom skvoz' razgovor trekh pokolenij [What remains in family history: the memory of the Soviet through a conversation of three generations]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological research], 11, pp. 147–156 (in Russ.).
6. Pokida, A. N. and Zybunovskaya, N. V. (2016). Dinamika istoricheskoy pamyati v rossiyskom obschestve (po rezultatam sotsiologicheskogo monitoringa) [Dynamics of historical memory in Russian society (based on the results of sociological monitoring)]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological research], 3, pp. 98–107. (in Russ.).
7. Sdobnov, S. «Pamjati pamjati» Marii Stepanovoj – glavnyj russkojazychnyj roman 2017-go [“In memory of memory” by Maria Stepanova - the main Russian-language novel of 2017]. *Internet-izdanie GQ* [Internet edition of GQ], available at: <https://www.gq.ru/entertainment/kak-najti-sebya-v-besede-so-svoimi-mertvymi>, accessed 20.04.2020 (in Russ.).
8. Stepanova, M. M. (2021). Pojet Marija Stepanova o ljubimyh knigah [Poet Maria Stepanova about her favorite books]. *Wonderzine*, available at: <https://www.wonderzine.com/wonderzine/life/bookshelf/229624-maria-stepanova>, accessed 20.05.2021 (in Russ.).
9. Stepanova, M. M. (2017). *Pamjati pamjati: Romans* [In memory of memory: Romance]. Moscow, Novoe izdatel'stvo (in Russ.).
10. Shtop-Rutkowska, K. (2015). Kiberpamyat, ili o chem myi ne pomnim v seti. Analiz lokalnoy pamyati: Belostok i Lyublin [Cyber memory, or what we do not remember on the network. Local Memory Analysis: Bialystok and Lublin]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological research], 4, pp. 130–139 (in Russ.).
11. Hal'bvaks, M. (2005). Kollektivnaja i istoricheskaja pamjat' [Collective and historical memory]. *Neprikosnovennyj zal* [Inviolable hall], 3, pp. 8–27 (in Russ.).
12. Shub, M. L. (2016). Funkcii kul'turnoj pamjati [Functions of cultural memory]. *Vestnik kul'tury i iskusstv* [Bulletin of culture and arts], 4, pp. 71–76 (in Russ.).
13. Hirsch, M. (2012). *The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture after the Holocaust*. New York, Columbia University Press.
14. Jenkins, H. (2006). *Convergence Culture: Where Old and New Media Collide*. New York, University Press.

Зыховская Наталья Львовна – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и русского языка, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет).
ladoga122@gmail.com

Топольская Вероника Павловна – бакалавр кафедры литературы и русского языка по направлению 45.03.01 – Филология, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет).